
В.Я. ПЕТРУХИН

**К ДИСКУССИИ О ЗБРУЧСКОМ ИДОЛЕ:
АНТРОПОЦЕНТРИЗМ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА
ИЛИ ПАРКОВАЯ СКУЛЬПТУРА XIX ВЕКА?**

Памяти
Владислава Петровича Даркевича
(1934–2016)

Уникальные «факты» истории культуры, лишенные определенного исторического (археологического) контекста, оказываются предметом бесконечных дискуссий: скептическое отношение к древности Збручского идола, которого могли изготовить по заказу местного помещика и поэта-романтика начала XIX в. Т. Заборовского (Комар, Хамайко 2011), вызвало полемику с распространенным в современной историографии «деконструктивным» подходом (Писаренко 2012). Предметом дискуссии стала четырехгранная каменная скульптура высотой 2,67 м (в сечении 29 × 32 см), обнаруженная в 1848 г. в р. Збруч недалеко от с. Лычковцы (современный Гусятинский район Тернопольской области Украины; ныне скульптура находится в Археологическом музее г. Кракова)¹.

Грани несут рельефные изображения, расположенные в трех ярусах (рис. 1). Интерпретация изображений затруднительна (отмечается, что резчик скорее привык работать по дереву, чем по камню, – Гейштор 2014: 213; ср. сомнения в обоснованности такой технологической интерпретации – Комар, Хамайко 2011: 194–195). Скульптуру венчает полусферическая шапка с опушкой, под ней на четыре стороны обращены лики, представляющие головы двух женщин (с намеченной грудью? – ср. Комар, Хамайко 2011: 188), держащих питьевой рог и кольцо, и двух

Работа выполнена в рамках проекта программы Президиума РАН «Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности славянских народов в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: от раннего Нового времени до наших дней».

¹ Иногда именуется «идолом из Лычковиц» (см. Гейштор 2014. Рис. 15–17).

Рис. 1. Збручский идол. 4 стороны (из кн.: Гейштор А. Мифология славян. М., 2014. Рис. 17)

мужчин (у одного в нижней части сабля и конь). На среднем ярусе – «хоровод» из двух женщин и двух мужчин с разведенными руками. На трех сторонах нижнего яруса – человек в позе «атланта» поддерживает средний ярус (ср. Комар, Хамайко 2011: 186).

Семантика композиции также с трудом поддается интерпретации – при отсутствии точных исторических аналогий и наличии массы параллелей: сравнительный анализ изобразительных мотивов, включающих параллели едва ли не со всего Старого света, начиная от положения рук у разнообразных антропоморфных амулетов и палеолитических «венер» с рогом, представил Н. Чаусидис (Чаусидис 1994, табл. XIII, XIV; ср. Писаренко 2012: 119–120). Стилистически близки идолу скифские каменные изваяния (с рогом и мечом-акинаком), но они – одноликие и сопоставлялись Б.А. Рыбаковым со славянским

памятником на основе кабинетной этимологии (сближения самоназвания скифов *сколоты* с этнонимом *словене* – Рыбаков 1987: 63–67)². Не имеют определенной даты и этнической атрибуции и статуи, относящиеся к периоду между скифской древностью и средневековьем (см. Комар, Хамайко 2011: 167–170).

Польские коллеги приложили немало усилий для доказательств древности Збручского идола при помощи естественных методов, обнаружили даже следы красной краски (Гейштор 2014: 213; ср. Комар, Хамайко 2011: 209)³; красный цвет, связанный с культом многоглавых богов Свентовита и Рувевита у балтийских славян (о. Рюген), казалось бы, сближал эти памятники славянского мира. Однако идолы балтийских славян, упомянутые латинскими хронистами, были деревянными, как и описанные Начальной летописью идолы Владимирова пантеона. Не вызвали полного доверия и предпринятые И.П. Русановой и Б.А. Тимощуком попытки обнаружить святилище, на котором располагался идол: на святилище Богит на берегу р. Збруч археологи обнаружили четырехугольное углубление,

² Подробный критический разбор конструкций Б.А. Рыбакова см. (Комар, Хамайко 2011). Б.А. Рыбакову во многом следует при интерпретации «мифологических» мотивов Н. Чаусидис (Чаусидис 1994).

³ Ср. скептическую оценку результатов естественнонаучных анализов – (Комар, Хамайко 2011: 174–181).

«подходившее» под основание идола (Русанова, Тимошук 1993: 35), но без особых следов установки и извлечения монументальной скульптуры⁴.

Наиболее признанной и «очевидной» аналогией идолу остается описание балтийско-славянского четырехликого Свентовита / Святовита (на Рюгене, в Арконе), атрибутами которого были священный конь, питьевой рог и меч (ср. Гейштор 2014: 111–112). Отдаленность Приднестровья от балтийского о. Рюген не препятствует реконструкциям единого славянского (праславянского) пантеона, в которых главный бог Перун (связанный с сакральным числом четыре, оружием и т. п.) может иметь Свентовита и других богов локальных пантеонов в виде своих ипостасей (в реконструкциях В.В. Иванова и В.Н. Топорова, учитываемых в большинстве мифологических штудий, – ср. Иванов, Топоров 1974; Гейштор 2014; Михайлов 2017: 124–142)⁵.

Характерные изобразительные черты идола, в том числе предполагаемая бисексуальность его верхнего яруса, затрудняют сопоставление с однозначно мужским образом Свентовита и, тем более, славянского громовника. В этом отношении интерпретация Б.А. Рыбакова, указавшего на фаллическую символику шапки, венчающей збручскую скульптуру, позволяет во многом примирить противоречащие друг другу концепции (см. изобразительные параллели – Чаусидис 1994: 345, табл. LXXXII). Действительно, антропоморфная мировая ось, подобие линги / лингама (МНМ 2: 56), пронизывает все сферы мироздания (три яруса Збручского идола), объединяет разных членов пантеона и включает даже реконструируемый «основной миф» славянской мифологии (вариант сюжета сакрального брака земли и неба – Иванов, Топоров 1974: 24; ср. Гейштор 2014: 112).

Правда, в своей реконструкции язычества Рыбаков увлекся книжным образом Рода⁶, которого принял за верховного языческого родового бога

⁴ В целом концепция авторов, следующих «романтическим» установкам о господстве двоеверия в Древней Руси – включая сохранение практики человеческих жертвоприношений до первой половины XIII в., вызвала справедливую критику, см. (Даркевич 1996), ср. (Комар, Хамайко 2011: 171–172).

⁵ Впрочем, очевидна и специфика балтийского региона, где язычники-славяне издавна противостояли экспансии христиан, создавая развитые – храмовые – формы культа, неизвестные в других славянских регионах (ср. Назаренко 2009).

⁶ Универсальные функции верховного божества (в том числе рюгенского Свентовита), воплощающего мировую ось (связь неба и земли), позволяют отождествлять Свентовита / Збручского идола с мифологическими персонажами, также наделенными универсальными (календарными)

и увязал с рассматриваемым идолом. Не вникающих в суть романтиков-неоязычников («родноверов» и прочих), очевидно, не смущает бисексуальность представленного идолом верховного божества⁷ (копии идола устанавливаются почитателями язычества и ныне).

Археологов одолевают сомнения: в частности, атрибутом Свентовита был меч, но не сабля: это противопоставление своего обоюдоострого оружия оружию враждебных степняков было свойственно уже начальному летописанию («сказание о хазарской дани», ПВЛ: 12). Правда, археологически известны образцы «гибридного» вооружения – мечи с сабельной рукоятью, но они были редки уже в X в. (*The Ancient Hungarians*: 119). Конь и сабля изображались на половецких «бабах» (*Степи Евразии*: 265, рис. 88; Чаусидис 1994: 294, табл. LXXIII). Сабля – важный атрибут идола, ибо по ее форме можно датировать изваяние X – началом XI в. К более ранним образцам (начало X в.?) принадлежит парадная сабля из королевской сокровищницы в Вене, атрибуция которой вызывает не меньше споров, чем происхождение Збручского идола: она приписывалась Атилле и Карлу Великому, использовалась в средневековых инаугурационных церемониях германских королей и императоров; в орнаментах украшающих ее золотых накладок видят взаимодействие скандинавских, русских и венгерских традиций прикладного искусства (ср. *The Ancient Hungarians*: 67–71; Кирпичников 1965; Орлов 1984: 39–40; Писаренко 2012: 117–118). Так или иначе, сабля стала престижным оружием в Евразии X в.: схожие с европейскими образцы известны в Туве (Васильев, Фодор 2010); с обретением венграми родины связывают находки сабель X в. и в Приднестровье (Фодор 2015: 55–56). Изображение сабли на Збручском изваянии не выглядит с этой точки зрения чужеродным и для славяно-русского мира, вопреки высказанному скепсису (ср. Комар, Хамайко 2011: 189–192; Писаренко 2012: 116–117).

Большой скепсис вызывают скульптурные детали в замысловатом описании Свеновита Саксоном Грамматиком: эти детали отличны от збручской композиции – описана гигантская статуя «с четырьмя головами на стольких же шеях, из них две обращены лицом к груди, и столько же – к спине. Далее, из расположенных как спереди, так и сзади [голов] одна

функциями, к каковым относятся балтийско-славянский Яровит и даже восточнославянский Ярила, чье описание мистификаторов-романтиков XIX в. продолжает сбивать с толку исследователей (ср. Zaroff 2002; Писаренко 2012: 123; РКНБ: 265–266).

⁷ Как указал в своем послесловии к книге Гейштора Л. Слупецкий (Гейштор 2014: 316–317), персонаж с рогом мог оказаться и богом (Свентовит в описании Саксона Грамматика), и богиней (у английского автора XII в. Вильяма из Мальмсбери).

смотрела направо, другая налево; они были изображены с бритыми бородами и постриженными волосами» (перевод А.В. Назаренко – Назаренко 2009: 305). Такую компоновку голов идола можно было смоделировать в резьбе по дереву или мелкой пластике⁸; четырехгранный каменный столп Збручского идола, очевидно, диктовал другую технологию: при этом универсальная ориентация центрального антропоморфного образа (оси мира) на все сферы мироздания (не только четыре стороны света, но и на верх – низ, правое – левое) детализирована в описании арконского Свентовита.

Сложнее с атрибуцией антропоморфных изображений, лишенных характерных «археологических» признаков: как уже говорилось, питьевой рог в руках фигуры верхнего яруса тяготеет к изобразительным универсалиям. Столь же сложно конкретизировать кольцо в руках другого «верхнего» персонажа: «скептическое» отнесение его к позднейшей католической традиции обручения (Комар, Хамайко 2011: 200) не учитывает более ранних – дохристианских данных: «обручи», на которых клялась русская дружина соблюдать договор с греками в 944 г. (ПВА: 26), явно соотносятся со скандинавской изобразительной традицией (персонажем с кольцом руке), известной и на Руси⁹. В балканском

Рис. 2. Кродо [по: Писаренко Ю. А БЫЛ ЛИ ИДОЛ? (о статье А. Комара и Н. Хамайко) // *Ruthenica*. Київ, 2012. Т. XI. С.114. Рис.1]

⁸ См. об известных подделках, так называемых прилвицких идолах, (Schmidt 2003; Михайлов 2017: 84).

⁹ См. Чаусидис 1994: 114–115, табл. XIX – там же античные и средневековые балканские параллели; о русско-скандинавских мотивах см.: (Петрухин 2014: 354–365; Мельникова 2014).

Солярный знак в виде с трудом читаемого колеса (процарапанного позднее?) А. Комар и Н. Хамайко (2011: 163; ср. Писаренко 2012: 114) обнаруживают на «тыльной» стороне в нижнем ярусе. Знак соотносится с упоминанием в «источниках» босоногого бога Кродо, стоящего на рыбе и держащего в руках цветочный горшок и солярное колесо. Позднесредневековые источники (1492 г.), описывающие этого бога, столь же

Рис. 3. Саркофаг из южной Далмации (из кн.: *Bihalji-Merin J., Venac A. The Bogomils. L., 1962. Plate 14*)

ареале (Босния и Герцеговина) на каменных надгробиях распространен изобразительный сюжет воина (лучника), чья правая рука поднята к кольцу (Чаусидис 1994, табл. XIX, рис. 1–7); кольцо интерпретируется как солярный знак, сами надгробия (XIV–XV вв.) традиционно считаются отражающими традиции богомилства (Bihalji-Merin, Venac 1962). Эти памятники славянской резьбы по камню, не задействованные в развернувшейся дискуссии, интересны не только своим сюжетом: они

сомнительны, сколь и схожие описания упомянутого босого Ярилы с колосьями в руке (ср. Михайлов 2017: 83). Замечу, что миниатюра Кродо, воспроизведенная в книге А.С. Кайсарова по славянской мифологии (рис. 2; ее мог использовать заказчик «идола» в начале XIX в., по гипотезе А. Комара и Н. Хамайко), воспроизводит не ритуал обручения, а, скорее, распространенный изобразительный сюжет венчания венцом (святого в христианской, победителя в античной традиции – ср. Писаренко 2012: 114; Beckwith 1977: pl. 72).

демонстрируют многоярусность композиции, свойственную и Збручскому идолу. Наиболее примечательной со сравнительной точки зрения представляется композиция, чередующая две цепочки хоровода, расположенные над ярусом с копытными (олени – земное пространство) и ярусом с птицами (небесное пространство), – рис. 3 (Bihalji-Merin, Вепас 1962, tabl. 14; ср. tabl. 16, 19 и др.). Конечно, средневековые (пусть и богемильские по происхождению) надгробия не могут свидетельствовать о дохристианской древности идола, тем более что их исследователи предполагают влияние западноевропейской резьбы по камню.

Как раз многоярусность композиции идола, свойственная христианскому искусству (интерьерам храмов), вызывает сомнение в языческой древности идола у А. Комара и Н. Хамайко (2011: 197). Это представление справедливо, поскольку неизвестно (вне пределов того же балтийского славянства, да и то в описаниях иноверцев-христиан) языческое монументальное искусство. Однако в области мелкой пластики параллели збручской композиции известны и помимо давно приводимых четырехликих наверхний деревянного (Волин) и костяного (Преслав) стержней (ср. Чаусидис 1994: 460, табл. CV; Петрухин 1999: 389; Комар, Хамайко 2011: 170): это бронзовая накладка на ножны ножа (синхронная идолу? – ок. 1000 г.) из балтийско-славянского Старигарда / Ольденбурга, несущая антропоморфные и зооморфные изображения (рис. 4). Стержень накладки венчает мужская подбоченившаяся фигурка, завершает маска, фланкированная конскими протомами; с двух сторон стержня между зооморфных (конских?) фигурок – две антропоморфные, с одной стороны – подбоченившаяся, с другой – имеющая позу «оранты».

Принципиально наблюдение публикатора находки И. Габриэля, касающееся изобразительной асимметрии антропоморфных фигурок по сторонам накладки: в личине подбоченившейся фигурки он видит пустые глазницы, что в мифологии соотносится с воплощением мира мертвых (Gabriel 1988: 190). Стало быть, накладка воплощает «модель мира» славянского язычества: одна ее сторона относится к загробному миру, другая к миру живых. Для зрителя, не всматривавшегося в мелкие детали изображения, для чего накладка

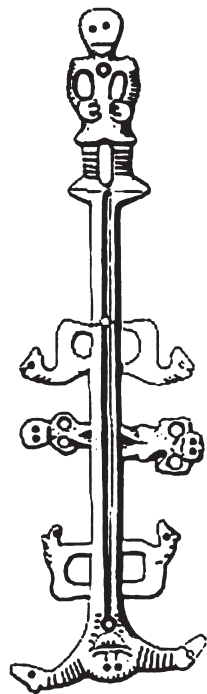

Рис. 4. Бронзовая накладка на ножны ножа из балтийско-славянского Старигарда (по: Петрухин В. Я. К проблеме изобразительных мотивов в славянском язычестве // Российская археология. 2015. № 4. рис. 2)

на ножны явно предназначена не была, демонстративней были позы антропоморфных фигурок: если поза «оранты» действительно характеризует женский персонаж, то перед нами не оппозиция мира живых и мертвых, а не менее характерная для архаических мифологических систем оппозиция мужского и женского начал. Напомню, что на Збручском идоле срединный ярус изображений представлен «хороводом» мужских и женских фигур. Накладка, таким образом, действительно может передавать модель мира славянского язычества, где средний мир «маркирован» людьми и конями (оленьями на балканском надгробии); так характеризует композицию и И. Габриэль (Eugoras 2000: 139; см. также Szczepanik 2010; Петрухин 2015).

Рис. 5. «Навьё» в Полоцке
(по кн.: Радзивилловская
летопись. М., 1994.
Лист 124)

Хоровод в средневековой христианской традиции воспринимался как бесовское игрище – в каталонском «Бревиарии любви» (XV в.) партнерами цепочки танцоров выступают бесы (Даркевич 1988: 280 и сл.; табл. 108). Хоровод представляют собой и мертвецы – «навьё», принесшие эпидемию в Полоцк согласно рассказу ПВЛ: интересно, что в их позах чередуются поднятые и опущенные руки (рис. 5). К. Кайковский отмечает архаические (индоевропейские) истоки хоровода (коло) и их космогоническую символику у славян, сопоставляя с «хороводом» Збручского идола орнаментацию раннесредневековых сосудов со схематичными фигурами, расположенными по плечикам сосуда (Kajkowsky 2014: 152–155).

Мотив нижнего яруса с фигурой «атланта» естественно увязывается с античной (антикизирующей) традицией, сохраняется и в традиции христианской: на одном из позднеримских саркофагов (IV в.) Христос-космократор попирает ногами Атланта, поддерживающего небесный свод (Grabar 1980, pic. 111). Образ атланта в западноевропейской христианской пластике может оказаться нейтральным, каковым представляется воплощение земли (terra) – подножия распятия (конец X в. – Beckwith 1977, pl. 120; ср. Канторович 2014: 141; рис. 6), может демонологизироваться,

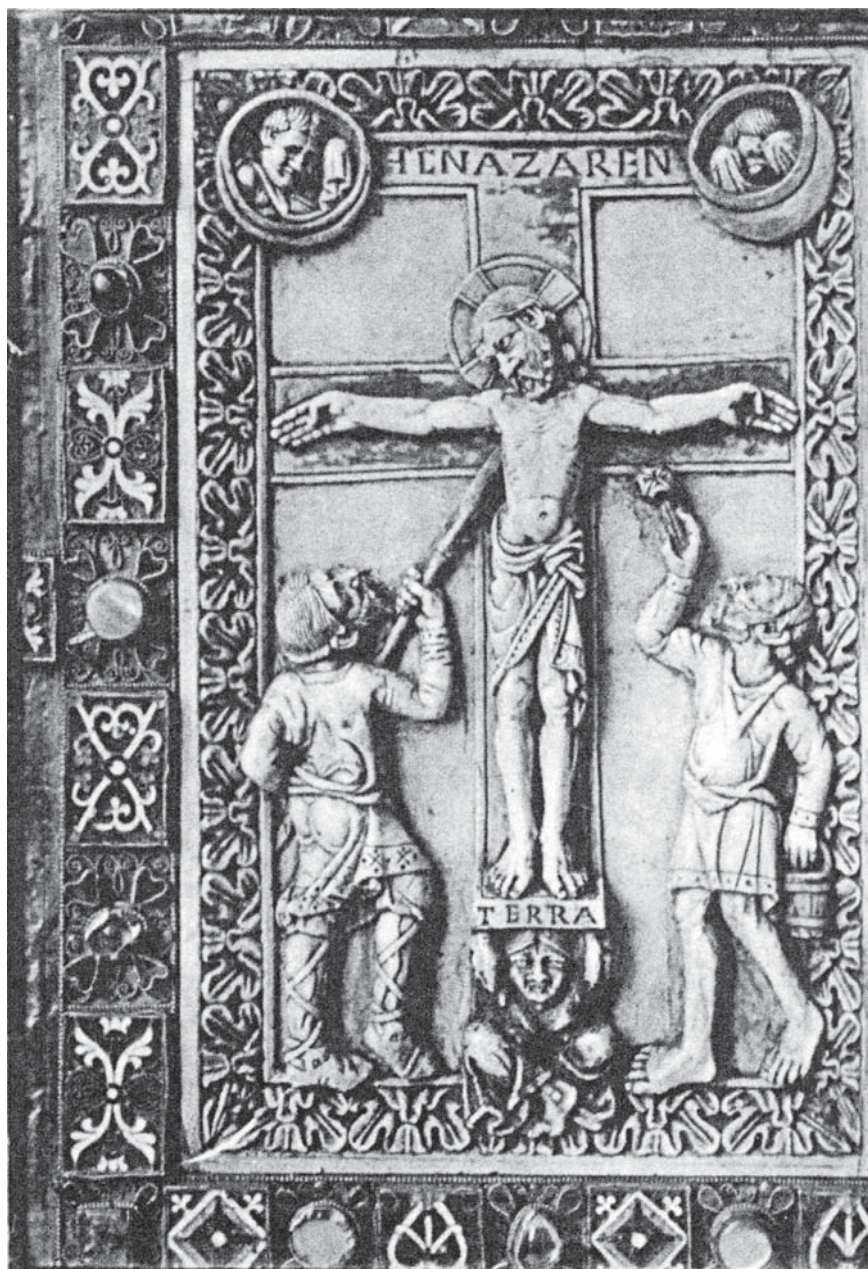

Рис. 6. Воплощение земли (terra) подножия распятия
(Грир, конец X в. по кн.: *Beckwith J. Early Mediaeval Art. L., 1977. Plate 120*)

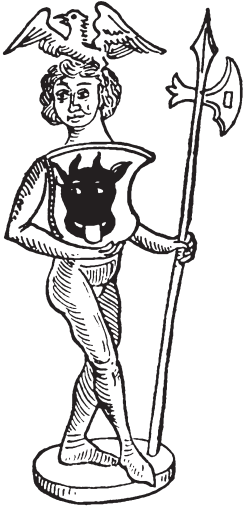

Рис. 7. Радегаст (по миниатюре из Саксонской хроники конца XV в. в книге *Niederle L. Slovanské starožitnosti. Život starých Slovanův*. D. 2. Praha, 1924. S. 74. Obr. 3)

как в западноевропейской миниатюре XIV в., превратившись в беса (Даркевич 2004: 43, рис. 27). Образ атланта в целом достаточно «растиражирован», чтобы воздействовать на композицию «идола».

Опыты «синтеза» нескольких «сюжетов» при реконструкции образов славянских богов имели место в средневековье и в Новое время (вплоть до работ художника Ст. Якубовского в первой половине XX в. – Gardela 2016); этот «синтез» обнаруживает определенные тенденции – в приводимых книжных образах Кродо (рис. 2) и Ярилы (в описании Древлянского), а также Радегаста из Саксонской хроники конца XV в. (рис. 7) «богам» вручаются символы-фетиши. Перед творцом Збручского идола стояла принципиально иная задача, далекая от образов польской романтической поэзии, рядившей славяно-литовских богов в античные одеяния (ср. Словацкий 2002: 112–113).

Збручский идол остается уникальным артефактом и «загадкой», подобной загадке «Слова о полку Игореве» с его эвгемеризмом – русичами, «Дажьбожьими внуками» и т. п. (явлением уникальным для литературы древней Руси – см. Аничков 2009: 153–177).

Литература и источники

- Аничков 2009 – Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. М., 2009.
- Васильев, Фодор 2010 – Васильев Д.Д., Фодор И. Новая гипотеза о происхождении сабли Батыра // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и центральноазиатского региона. Кызыл, 2010. Ч. II. С. 151–157.
- Гейштор 2014 – Гейштор А. Мифология славян. М., 2014.
- Даркевич 1988 – Даркевич В.П. Народная культура средневековья: Светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М., 1988.
- Даркевич 1996 – Даркевич В.П. [Рец.:] Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993 // Российская археология. 1996. № 4. С. 200–207.
- Даркевич 2004 – Даркевич В. Народная культура средневековья. М., 2004.
- Иванов, Топоров 1974 – Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

- Канторович 2014 – *Канторович Э.* Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии. М., 2014.
- Кирпичников 1965 – *Кирпичников А.Н.* Так называемая сабля Карла Великого // Советская археология. 1965. № 2. С. 268–276.
- Комар, Хамайко 2011 – *Комар А., Хамайко Н.* Збручский идол: памятник эпохи романтизма? // *Ruthenica*. Київ, 2011. Т. X. С. 166–217.
- Михайлов 2017 – *Михайлов Н.* История славянской мифологии в XX веке. М., 2017.
- Мельникова 2014 – *Мельникова Е.А.* «Обручья» некрещеной руси в русско-византийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М., 2014. Вып. 75 (3–4). С. 178–192.
- МНМ 2 – Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1982. Т. 2.
- Назаренко 2009 – *Назаренко А.В.* О язычестве славян // *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 298–314.
- Орлов 1984 – *Орлов Р.С.* Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 32–52.
- Петрухин 1999 – *Петрухин В.Я.* Идолы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 388–390.
- Петрухин 2014 – *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках: от призвания варягов до выбора веры. М., 2014.
- Петрухин 2015 – *Петрухин В.Я.* К проблеме изобразительных мотивов в славянском язычестве // Российская археология. 2015. № 4. С. 184–190.
- Писаренко 2012 – *Писаренко Ю.* А был ли Идол? (о статье А. Комара и Н. Хамайко) // *Ruthenica*. Київ, 2012. Т. XI. С. 108–129.
- ПВЛ – Повесть временных лет / Подг. М.Б. Свердлов. 2-е изд. СПб., 1996.
- РКНБ – Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / Изд. подг. А.Л. Топорков и др. М., 2002.
- Русанова, Тимощук 1993 – *Русанова И.П., Тимощук Б.А.* Языческие святилища древних славян. М., 1993.
- Рыбаков 1987 – *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Словацкий 2002 – *Юлиуш Словацкий.* Бенёвский. Поэма / Пер. с польского Б.Ф. Стахеева. М., 2002.
- Степи Евразии – Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М., 1981.
- Фодор 2015 – *Фодор И.* Венгры: древняя история и обретение родины. Пермь, 2015.
- Чаусидис 1994 – *Чаусидис Н.* Митските слики на Јужните Словени. Скопје, 1994.
- Beckwith 1977 – *Beckwith J.* Early Mediaeval Art. L., 1977.
- Bihalji-Merin, Benac 1962 – *Bihalji-Merin J., Benac A.* The Bogomils. L., 1962.

Europas 2000 – Europas mitte um 1000 / Hrgs. A. Wieczorek, H.-M. Hinz. Stuttgart, 2000.

The Ancient Hungarians – The Ancient Hungarians / Fodor I. (ed.). Budapest, 1996.

Gabriel 1988 – *Gabriel I.* Hof- und Sakralkultur sowie Gebrauchs- und Hadelsgut im Spiegel der Kleinfunde von Starigard/Oldenburg // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 69. 1988. S. 103–291.

Gardela 2016 – *Gardela L.* Artysta bogów. Mitologia słowińska i Światowid ze Zbrucz w dziełach Stanisława Jakubowskiego // Od Bachorza do Światowida ze Zbrucz. Tworzenie się słowińskiej Europy w ujęciu źródłoznawczym. Księga jubileuszowa Profesora Michała Parczewskiego. Kraków; Rzeszów, 2016. S. 817–825.

Grabar 1980 – *Grabar A.* Christian Iconography: A Study of Its Origins. Princeton, 1980.

Kajkowsky 2014 – *Kajkowsky K.* Ritual Dance among Western Slavs in Early Middle Ages // *Cosmos* 30 (2014). P. 145–165.

Schmidt 2003 – *Schmidt V.* Die Prillwitzer Idole / Rethra und die Anfänge der Forschung im Lande Stargard // *Inventing the Past in North Central Europe* / M. Hardt, Chr. Lübke, D. Schorkowitz (Hrsg.). Frankfurt am Mein; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2003. S. 96–110.

Szczepanik 2010 – *Szczepanik P.* Przedmiot jako zapis porządku kosmologicznego Słowian Zachodnich. Analiza wybranych okuć pochewek noży // *Życie codzienne przez pryzmat rzeczy* / Pod redakcją P. Kucyperey, S. Wadyła. Toruń, 2010. S. 27–42.

Zaroff 2002 – *Zaroff R.* The Origins of Sventovit of Rügen // *Studia Mythologica Slavica*. Ljubljana, 2002. Vol. V. P. 9–18.